

Татьяна
СТЕПАНОВА

ДНК
НЕЗЕМНОЙ
ЛЮБВИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Я. Клыга*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства *Ольги Рубис*»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 ДНК неземной любви : роман / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-240106-0

Такого загадочного дела в практике МУРа не было никогда... По ночам на московских бульварах находят жертв страшных и чудовищных преступлений. Кате Петровской, сотруднице пресс-центра УВД, выпал шанс стать участником проводимого расследования. Версий было много. Но в итоге осталась лишь одна, самая невероятная, зато подтверждаемая результатами экспертизы ДНК: жуткие убийства на московских бульварах совершала Лариса Белоусова, убитая пять лет назад...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-240106-0

Вот ужасный, вызывающий дрожь случай про красную пиявку, а вот страшная смерть и трагедия в *****, и тогда же был выслежен Убийца на Бульварах.

*Артур Конан Дойл
«Пенсне в золотой оправе»*

Глава 1

СОЗВЕЗДИЕ СКОРПИОНА

Июль. Московская область

Из тех, кто явился этой ночью на кладбище, никто не обратил внимания на звезды над головой. Небо ясное и безоблачное, звезды яркие — стылые, равнодушные, ослепительные в своем космическом высокомерии. Такая яркость наблюдается только зимой, в сильные морозы, но на дворе стоял жаркий июль. Пожалуй, самый жаркий в Подмоскovie за последние двадцать лет.

А луна...

Ее как будто не было вовсе, луна словно потерялась, заблудилась во мраке. А может, затаилась где-то там, в черной пучине, камнем канула на дно вселенной, чтобы никогда уже больше не всплыть, не водрузить свой мерцающий щит на ночные ворота, что были когда-то заперты крепко-накрепко на тысячи замков и запоров — не здесь, не нами, не в этом жарком июле, растекшемся по земле, как расплавленный свинец.

А луна...

Нет, ее просто затмили желтые фары остановившихся у ограды кладбища машин. Джипы и «Ленд-

роверы», «БМВ», пара черных «Мерседесов» и погребальный катафалк с бронированными стеклами.

Звезды... там, высоко...

Опрокинутый ковш Большой Медведицы...

Скорпион, поднявший ядовитое жало...

Все, кто явился этой ночью на кладбище на Великую мессу, приехали в масках. Странное и нелепое зрелище — вот они выстроились у кладбищенской стены. Багровые огоньки сигарет, аромат дорогого парфюма, запах алкоголя и пота. И маски на лицах — у кого-то роскошная, с венецианского карнавала, а у кого-то просто шерстяная «бандитка» с прорезями для глаз, натянутая до самого подбородка.

И только один был без маски. Дверь бронированного катафалка открылась, и они увидели его. Он вышел.

— Ну?

Голос тихий. И в ответ ни звука, а ведь этой ночью сюда, на кладбище, явилось немало людей, причем некоторые из них уже накачались под завязку, потому что сбор происходил в ночном клубе в Москве в Чертольском переулке. А уж если завалились ночью в клуб, то как уж тут не дернуть, и тем не менее...

Было очень тихо у кладбищенской стены, когда он произнес это свое «Ну» — то ли приветствие, то ли вопрос, то ли приказ, понукание оробевшему стаду.

— Калитка закрыта...

— Не через главные же ворота идти... Могут увидеть, пойдут разговоры...

— И так уж, наверное, черт-те что болтают...

Он прошел сквозь них к стене, к железной калитке. Взялся за ручку и потянул на себя. Калитка открылась.

— Берите все там, в машине.

Несколько человек направились к катафалку. Фары погасили, включили карманные фонари. Желтые круги заплясали по бортам машин, по кирпичной стене, по темным окнам катафалка. Послышалась какая-то возня, потом сопение, хрюканье...

— Осторожно! Ноги-то у нее связаны?

— Ну и вонь!

Раздался душераздирающий визг.

— Тихо вы!

— Ничего, сторож предупрежден, ему заплачено, грузите быстрее на тележку, туда на машинах не проедем... Тяжеленная тварь...

Свинья, ноги которой были крепко связаны, дергалась, пытаясь вырваться, когда ее вытащили из катафалка и погрузили на тележку, предназначенную для перевозки гробов. Свинья сопела и хрюкала.

Он подошел к ней и пощекотал за ушами. Он был высокий и стройный, одетый в черное, один из всех он не надел в эту ночь маску.

— Пора.

Странная процессия двинулась за тележкой. Через калитку они все вошли на территорию кладбища.

А свинья...

Она, кажется, смирилась со своей судьбой. После того как человек без маски пощекотал ее за ушами, почесал ее горло, которое вот-вот должен был рассечь нож, она, жертва этой ночи, смирилась, затихла.

— Скорпион...

Человек без маски, следовавший первым в этой странной процессии за свиньей, обернулся. Кто-то позвал его из темноты.

— Ну?

Кто-то позвал — кто-то из этих, плетущихся следом, явившихся на кладбище на джипах и «Мерседесах» после сбора в ночном клубе в Чертольском переулке.

— Ну?

Нет ответа, нет вопроса, только шаги, гравий шуршит...

В темноте среди деревьев, среди оград не видно ни зги. Свет фонарей выручал мало, но они знали, куда идти.

— Теперь направо, в самый конец... Туда тележка не пройдет, придется так тащить, на руках... Вот черт... Там все готово? Кто-нибудь, да пойдите же вперед, гляньте — яма готова? Яма должна быть уже вырыта, так ведь со сторожем договаривались...

— Сюда, за памятник... Давай, давай, давай... еще, еще, еще...

Все словно обернулось веселой игрой. И все перевели дух, у всех отлегло от сердца. И правда, разве это не забавное приключение — ночь, кладбище после клуба под названием «Яма», где все собрались и узнали, что на этот раз Великая темная месса будет проведена вот здесь... Прежде, когда собирались в заброшенных туннелях столичного метро, тоже было стремно, но диггеры стали досажать, а потом и милиция. А собрались как-то в одном доме на Рублевке, так потом просто плевались — никакого драйва особого...

А здесь, на кладбище, где уже подготовлена жертвенная яма...

Когда она наполнится свиной кровью, то...

Вообще, кто знает, может, это действительно все не просто так...

Одно дело нервы пощекотать себе и другим, развлечься, и...

Свинья, словно почуяв что-то, испустила пронзительный визг. И это было так неожиданно, так страшно, что те, кто волокли ее через надгробия в глубь кладбища к подготовленной яме, уронили тушу на землю.

Человек без маски пнул свинью ногой в бок. Достал нож.

— Ближе давайте, на самый край! Ну!

Он приказывал, а они повиновались ему. Отчего так было здесь, на кладбище? Они и сами не могли сказать.

Вообще, кто знает, а может, все это действительно не просто так...

Великая темная месса в летнее полнолуние, когда — вот странность — полной луны нет на небе. Только звезды, одни лишь звезды.

Перевернутый ковш Большой Медведицы, нет, как написано в древней Книге мертвых — созвездие Скорпиона.

Когда яма наполнится кровью, можно загадывать любые желания, и ТОТ, кто явится в ночи этой крови отведать, исполнит их все до единого.

Сказки? Вы скажете, все это сказки, бред? Конечно, но...

А вдруг?

Когда вонючая свинья с черной отметиной на боку (сколько же искали именно такую, точно такую, сколько фермерских хозяйств, сколько свиноводческих комплексов объездили!) истечет кровью на краю ямы, можно загадывать любые желания.

Доходный бизнес...

Рост активов...

Увеличение продаж...

В федеральном резерве места освободились...

Может, папаша скоро коньки откинёт, а там такое наследство...

Удвоение капитала... утроение... меньше чем за год...

Жена, с которой прожили десять лет, сейчас на Сейшелах... Несчастный случай, авиакатастрофа, и все. И не надо делить совместно нажитое имущество... А той, другой, ей всего девятнадцать...

Когда яма наполнится кровью, явится *тот*, кто крови напьется и исполнит, исполнит, подарит новую жизнь... надежду... тот самый драйв...

Бред? Можете не верить, все равно, но попробовать-то, принять участие в такой вот «кладбищенской акции» можно?

— Я сказал, ближе, на самый край! — Человек без маски, которого звали Скорпион, наступил на свиную тушу ногой, прижимая жертву к земле.

Наклонился и вонзил нож.

В темноте не было видно ни зги. Только контуры, только густые тени. Деревья, деревья, корявые стволы, ржавые ограды, кресты, кресты.

Яма зияла, как провал. Свиныя с перерезанным горлом хрипела, дергала связанными ногами, словно пыталась убежать от своих мучителей. Кровь хлынула ручьем, впитываясь в глину.

Человек без маски встал на колени возле свиной туши. Они не видели его лица, лишь спину. Он крепко сцепил руки, поднял их над головой, будто призывая что-то из темноты.

Сколько времени прошло? Пять, десять минут? Странно, но никто из приехавших сюда не решился нарушить эту странную мертвую тишину. Что-то сказать, что-то спросить.

Когда же яма наполнится кровью... Сколько свиной надо зарезать... Сколько жертв нужно принести,

чтобы *тот, кто придет*, был вынужден подчиниться... исполнить ваши желания.

Глина осыпалась...

Нет, не в яме, над которой они все струдились в молчаливом ожидании. Где-то позади них. Глина осыпалась — не просто горсть земли, съехал целый пласт. А потом тишину, ставшую уже невыносимой для слуха, разорвал треск и грохот — словно где-то что-то упало и гулко ударилось о грунт.

Разом вспыхнули карманные фонари. Желтые пятна метались по стволам деревьев, по крестам и надгробиям, шаря, шаря, судорожно ища. Что это был за звук, которые они слышали все?

— Смотрите! Вон там!

Человек без маски обернулся, они все обернулись. Свет фонарей уперся сначала в ствол старой липы в десяти шагах от вырытой ямы, но дерево было целым. А вот могила, что рядом...

Высокий крест из черного мрамора, укрепленный на мраморной плите, надломился у самого основания и рухнул набок. Плита, покрывавшая могилу, треснула пополам, грунт просел вниз и продолжал оседать, образуя в кладбищенской земле провал, который все увеличивался, увеличивался...

О треснувшую плиту разбился брошенный карманный фонарь — у кого-то сдали нервы.

Больше половины из тех, кто приехал этой июльской ночью на Великую темную мессу, сразу ринулись прочь — назад к калитке, к машинам, почти бегом, толкаясь и не оглядываясь.

Издыхая свинья, обрушив край ямы, сползла вниз, хороня под собой лужу свежей жертвенной крови, скопившейся на дне.

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КАТАКОМБАХ

Семь дней спустя. Рим

— Да наплевать им тут всем на нас, что вы, не видите, что ли? А вы знаете, что мне координатор Миланского дома по телефону ответил? «Это ваши проблемы. Но учтите, что все убытки за простой — за ваш счет!» Поняли, нет? Наплевать им на нас — подумаешь, русские из Москвы... Что они вообще знают о нас, о нашей работе? Ничего. И даже не интересуются. Москва — это там, где все в шапках-ушанках и валенках, где сугробы до второго этажа круглый год? Какая там, к черту, мода, какие журналы? Это ж варвары, в натуре! Ну, может, и не в прямом смысле варвары, но... Так, что-то ниже среднего в профессиональном смысле, никакого интереса. Мы вот с вами, например, интересуемся болгарской модой или венгерской? Да плевать нам, как они там одеты! Живут где-то на отшибе, так и этим миланским придуркам на нас плевать. Ты вот, Кристина, ну что толку, что ты таскаешься на все эти Недели моды в Париж, в Милан... Я ж видел, какое там отношение к тебе и вообще... Сунулась было с интервью к Донателле Версаче... Что ты там ей лепетала? А она взглянула на тебя, как на пустое место, и отвернулась... Мы-то все пыжимся, из кожи лезем — великая, могучая... русская широта, размах, баблом сорим, пресмыкаемся перед ними. А вот когда у нас трудности и когда надо реально помочь, где они, все эти наши европейские друзья? «Все убытки за простой — за ваш счет!» — вот что они отвечают! Мать их!

У фотографа Хиляя был очередной приступ истерики. Кристина Величко — директор отдела моды глянцевого журнала и автор популярного блога *street-fashion* — пошарила в сумке: есть ли успокоительное, чтобы его заткнуть хоть на десять минут? Двух таблеток обычно достаточно. Хиляй — стержень всей их творческой группы, прилетевшей в Рим на три дня для срочной фотосессии. Фотокамерой своей он творит чудеса, модели у него на снимках выходят просто превосходно, но, как все тонкие натуры, Хиляй нервный и впечатлительный, и, когда что-то в работе срывается, он становится совершенно неуправляемым.

Они сидели в баре римского отеля «Эксельсиор». С веранды обычно открывался великолепный вид на Виа Венетто — знаменитую римскую улицу, но, увы, не этим утром.

Кристина так и не нашла успокоительных пилюль в сумке для фотографа Хиляя, взлохматила свою атласную челку и заказала у бармена еще мартини. Да уж, так не повезти с фотосессией в Риме, от успеха которой в буквальном смысле зависит выход очередного номера журнала, могло лишь каким-то недоучкам, форменным лузерам, но им... но ей, проработавшей в модном бизнесе столько лет!

Проживание их творческой группы в пятизвездочном отеле «Эксельсиор» на Виа Венетто, как и все прочие расходы, оплачивал журнал. Трансфер, транспорт, питание, услуги переводчика, гонорар известнейшей итальянской топ-модели Джеммы — все это влетало в огромную сумму, прибавьте сюда расходы на охрану ювелирных украшений Миланского дома, специально арендованных для съемки. Фотосессию модели в одежде и украшениях

планировалось проводить на фоне Колизея и живописных видов Яникульского холма, где находилась смотровая площадка. Но все эти планы полетели к черту, и это стало ясно, едва лишь они все, вся творческая группа, вышли из здания римского аэропорта.

— Что это? — спросила потрясенная Кристина у встречавшего их переводчика.

— Пыльная буря, синьора, чертова пыльная буря. — Переводчик достал из кармана пачку защитных марлевых масок. — Предупреждали по радио и телевидению, пыльная буря с берегов Африки, где вот уже несколько дней бушует ураган в пустыне, через море добралась и до нас и со вчерашнего вечера накрыла город. Трудно дышать, везде песок. Город чуть ли не на чрезвычайном положении, видимость на дороге практически нулевая. И это не кончится до тех пор, пока ветер с моря не переменится.

Рим... Они так и не увидели города ни по дороге из аэропорта в отель, ни позже. Душное сухое облако, полное мельчайшей пылевой взвеси — мутные городские огни, так было ночью. А утром следующего дня стало еще хуже. Практически невозможно было покинуть отель, где воздух очищали мощные кондиционеры.

На закате дня Кристина стала свидетельницей фантастического зрелища: сквозь багровую пелену за окном отеля на миг стало видно солнце — какого-то совершенно небывалого гнойного цвета. А на фоне его тысячи черных точек. Это птицы собирались в огромные стаи, вспугнутые пыльной бурей.

Исчез, пропал Вечный город, словно и не существовал никогда... Кристина, куря сигарету, вспо-

минала роман Булгакова, там, правда, речь шла о другом городе, тоже накрытом ураганом, грозой... Но гроза — это лучше, чем песок. Как в условиях экологической катастрофы проводить фотосъемку? И что вообще можно в такой ситуации предпринять, чтобы спасти положение, не сорвать выход журнала и оптимизировать расходы?

Стали срочно звонить в Милан итальянскому координатору и в ювелирную фирму и получили ответ: это ваши проблемы, но все убытки — учтите, а это колоссальные убытки, — за ваш, русский, счет.

Вот черт! Гадство, гадство!

Если фотосессия сорвется, ее уволят. Ну, конечно, именно на ней и отыграются в журнале. Фотографу Хиляю ничего не будет — он незаменим, он талант. Модели Джемме тоже нечего бояться. Ну не снимется, так ей еще и неустойку заплатят. А ее, Кристину, шефа съемочной группы и директора отдела моды, вытурят взащей. Если она сию же минуту что-то не предпримет, чтобы фотосессия все же состоялась. Может, пыльная буря утихнет?

Кристина позвонила переводчику и спросила, какой прогноз. «Никаких изменений, пока не переменится ветер. А в это время года южные ветры дуют по несколько дней».

Значит, надо возвращаться в Москву и...

А что в Москве? Выволочка от руководства и увольнение? Крах всей с таким трудом выстроенной карьеры? Потеря хорошей зарплаты? А что делать с невыплаченным кредитом за машину? И вообще, кто с ней, если ее уволят с позором за профнепригодность и неумение организовать работу, будет разговаривать в Москве? Ее перестанут приглашать туда, где она привыкла бывать, выведут из «своего круга» и...

Нет, только не это! Надо срочно что-то придумать. Где можно провести нормальную съемку? Куда не проникает эта чертова пыль?

В бар плавной походкой вошла топ-модель Джемма. В джинсах, в белой майке, в золотых вьетнамках от «Прада». Заказала ром-колу. Она говорила по-английски, так как большую часть жизни провела в Лондоне.

— А что, если сделать съемку в метро? — предложила Кристина. Ее мозг лихорадочно работал, искал выход. Но на лице это не отражалось — безмятежная улыбка, легкий загар, шоколадная атласная челка.

— Старо, было. Александр Маккуин за собой застолбил сто лет назад уже, целый показ делал в метро на станции, — фотограф Хиляй соорудил презрительную гримасу. — Вот все в блогах спорят, с чегой-то он вдруг повесился накануне Недели моды. А я его сейчас ох как понимаю. Попадешь в такую вот жопу, ничего не останется, как в петлю, — Хиляй покосился на Кристину. — Можно было бы в Ватикане снять... Но в музеях надо загодя разрешение на ночную съемку запрашивать... А там ведь пыли нет, кондишены на полную мощность небось включены во всех залах.

— В катакомбах пыли нет, — тоненьким голоском по-английски изрекла модель Джемма, прихлебывая ром-колу. — Там глубоко под землей, туда песок не проникнет.

— В катакомбах? — переспросила Кристина и тут же схватилась за телефон: — Эй, кто там в номере? Оксанка, ты, что ли? Там, на столике, путеводители по Риму, тащи сюда, в бар! Быстро, я сказала, тащи все, мы ждем!

За окном отчаянно сигналила автомобильными гудками и чертыхалась роскошная Виа Венетто — таких адских пробок Вечный город не видел никогда.

Казалось, что все кругом погрузилось на илистое дно взбаламученного пруда, только вот воды не было ни капли — лишь песок, сухой и горячий, принесенный ураганом из далекой Сахары.

Абсолютно нечем дышать.

Марлевые маски не спасают.

— Вы только гляньте на улицу — все макаронники в намордниках чешут! — Фотограф Хиляй уже издевался.

...Как только разрешение на съемку в римских катакомбах было получено, настроение Хиляя разом улучшилось. Он копался в машине, проверял аппаратуру, стилист и гримерша волокли чемоданы с реквизитом. Бронированный автомобиль с украшениями ювелирной фирмы, которые должны были фигурировать на фотосессии, помчался по дороге, ведущей к подземному музею.

Короче говоря, все завертелось, и Кристина Величко могла бы вроде и дух перевести, но нечем, нечем было дышать этим вечером (а за хлопотами, переговорами, звонками по телефону уже наступил вечер) в Риме.

И солнце, когда они мчались по автобану в пыльном мареве, снова выглядело не земным, а каким-то марсианским светилом. И птицы опять собирались в огромные стаи и кружили на фоне багрового диска.

— Не по себе как-то, — поежилась модель Джемма, — а вам, синьора?

Кристина спросила ее — не из Рима ли та сама родом, оказалось, нет, из Неаполя, но она уехала от туда в детстве с родителями.

— Я вообще-то плохо представляю, что это такое — эти ваши катакомбы, — призналась Кристина.

Но представлять было некогда, их ждала работа. Переводчик, который их сопровождал, едва лишь они остановились — где, в каком месте (по-прежнему ничего не было видно толком), — сразу куда-то побежал и вернулся уже с каким-то парнем в униформе, оказавшимся смотрителем музея.

— Он говорит, что катакомбы для посещения туристов через полчаса закрываются, но для вас, так как есть разрешение на съемку, сделано исключение. Выберите место, отснимите, потом он вас выпустит наверх.

Кристина подняла глаза — кирпичная кладка, двери с крепкой железной решеткой. Рядом еще двери — ага, там у них касса по продаже билетов. А это что такое? Гробница... похоже на башню с зубцами... Даже в этой мгле видно, какое это древнее сооружение. И рядом пиния растет — желтый ствол, хвойная крона, пыль...

Кашляя, держась за марлевые маски, они всей съемочной группой ввалились внутрь.

Тишина и прохлада. Кристина сдернула «намордник», вытерла мокрое от пота лицо. И увидела двух дюжих парней в черных костюмах, державших в руках небольшие аккуратные кейсы. А вот и охранники Ювелирного дома со своими сокровищами.

— Чао... ой, сорри, бон джорно, синьоры! — Кристина была готова расцеловать этих мафиози.

Ну вот, все вроде о'кей! И работа стартовала, и фотограф Хиляй в отличном настроении, что-то там мурлычет себе под нос, и драгоценности доставлены и... и вообще...

Как же тут хорошо дышится!

Под землей!

Пока они готовили аппаратуру, костюмы и реквизит в холле музея, переводчик коротко объяснил им, что вот сейчас они спустятся в катакомбы Дометиллы, самые большие и самые интересные, расположенные непосредственно под городом, где в первые века христианства проходили богослужения, где хоронили первых христианских мучеников, растерзанных львами на арене Колизея.

Кристина и фотограф Хиляй вместе с переводчиком и сотрудником музея отправились по длинному туннелю вниз искать место для съемки.

Стены из светлого песчаника...

Ниши в стенах, как полки...

И вдруг стены туннеля расходятся, и открывается небольшой квадратный зал, вырубленный в породе, а от него в разные стороны вглубь ведут новые туннели.

Фотограф Хиляй придирчиво осматривал свет — лампочки наверху и подсветка внизу.

— Темновато, конечно, мрачновато, зато свежо, ново. И каков контраст! Тут еще никто не снимал до нас. А электричество надежно? Что, если погаснет?

— Если погаснет, отсюда не выйти, дороги не найти без свечей, без фонаря, — лениво ответил через переводчика сотрудник музея, отправляя в рот ментоловую жвачку. — Не волнуйтесь, синьоры, такого еще никогда не было. И потом там, на входе, у нас резервный генератор.

— Ну что? — спросила Кристина фотографа. Несмотря на весь свой первоначальный кураж, она слегка растерялась в этих самых катакомбах.

Это же коллективная могила... вон, в туннеле, черепа на каменных полках, как футбольные мячи, сложены... А вон там берцовые кости... Там, подальше, груда ребер, и все кучей навалено.

— Вот здесь сделаю первые десять кадров. — Фотограф Хиляй остановился в небольшом сводчатом зале, украшенном фреской. Амур и Психея... Прозрачные крылья за спиной, как у стрекоз, и выражение лиц такое безмятежное...

Кристина вопросительно глянула на переводчика.

— В первые века христианства такие фрески довольно часты, — пояснил тот. — Это уже не языческие божества, а христианские символы — примирения, полноты и радости пребывания в вечности. А вон тот коридор ведет к могиле Амплия, это самое известное здешнее захоронение. Раб, мученик, пострадавший за веру, упомянутый апостолом Павлом в его Послании к Римлянам. Возле могилы Амплия всегда много паломников собирается со всего света, он общехристианский святой, и, по преданию, молясь ему, человек обретает душевный покой, отпущение тяжких грехов и защиту.

— Защиту от чего? — рассеянно спросил фотограф Хиляй, уже примериваясь, откуда лучше снимать, как поставить модель.

— Ну, мало ли... От зла, от всякой опасности... от мести...

Место было выбрано, и съемочная группа засуетилась. Расставили свет, развесили костюмы, модель Джемма села гримироваться.

— Первые кадры: жакет, юбка, босоножки из кожи — все Diog, бельевой стиль, — командовала художник по костюмам. — Украшения — бриллиантовые серьги и браслет.